

НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Д.Б. Малышева*

БЕЗОПАСНОЕ РАЗВИТИЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И АФГАНСКИЙ ФАКТОР

Статья посвящена исследованию внешних и внутренних рисков, угроз и вызовов безопасности Центральной Азии в связи с завершением в 2014 г. международной операции в афгано-пакистанской зоне военных действий («АфПак»). Особое внимание в этой связи уделено проблеме возможной радикализации ислама и активизации в Центральной Азии религиозно-экстремистских движений и организаций транснационального терроризма. Проанализированы функции и задачи военно-политических структур регионального и глобального уровня, обеспечивающих безопасное развитие центральноазиатских государств и активизировавших военное сотрудничество с ними в связи с афганской кампанией. Определены национальные интересы России в Центральной Азии и задачи, стоящие перед ней в контексте афганского фактора. Обозначены некоторые направления развития государств Центральной Азии в переходный период (до 2014 г.) в сфере предупреждения и защиты от потенциальных угроз со стороны Афганистана. Поставлен вопрос о необходимости противодействия деструктивным глобальным и региональным тенденциям, активизации действующих структур безопасности в Центральной Азии.

Ключевые слова: безопасность, развитие, дестабилизация, Центральная Азия, Афганистан, «АфПак», исламизм, транснациональный терроризм, военно-политическое сотрудничество.

В первой половине 1990-х годов, вскоре после распада СССР, многие предрекали Центральной Азии судьбу одной из наиболее нестабильных частей мира. Сбылся ли этот прогноз? Внешне как будто нет, ведь нельзя не признать, что за годы независимого развития центральноазиатским государствам, за исключением Таджикистана и Киргизии, удалось избежать братоубийственных гражданских войн. Тем не менее центральноазиатские реалии говорят о том, что мир и стабильность в этой части постсоветского пространства хрупки и неустойчивы. По убеждению известного американского политолога Бориса Румера, «события 11 сентября 2001 г. сделали Центральную Азию эпицентром геополитических потрясений на глобальном уровне» [31].

* Малышева Дина Борисовна — д.п.н., главный научный сотрудник Института востоковедения РАН (e-mail: dsheva@mail.ru).

Оказавшись вследствие перемещения многих глобальных процессов из Европы в Азию втянутыми в сложное геополитическое балансирование, постсоветские государства Центральной Азии постарались по возможности дистанцироваться от привязки к какому-то одному мировому или региональному центру. Курс был взят на сохранение хороших отношений со всеми участниками конкурентной борьбы в регионе, которая определяется в основном двумя факторами: богатыми природными ресурсами Центральной Азии и тем, что она превратилась в «базовый плацдарм» для доступа в Афганистан, где силы возглавляемой США международной коалиции пытаются с 2001 г. восстановить мир и порядок, избавиться от обосновавшихся там международных террористов.

Однако в 2014 г. международная операция в афгано-пакистанской зоне военных действий («АфПак») должна завершиться, что может повлечь за собой усиление внешних и внутренних рисков, угроз и вызовов безопасности Центральной Азии, включая возможную радикализацию ислама и активизацию религиозно-экстремистских движений и организаций в регионе. Задача статьи состоит в том, чтобы обозначить условия и перспективы безопасного развития центральноазиатских государств в свете завершающейся афганской кампании и необходимости активизации действующих в Центральной Азии структур безопасности.

1. Угрозы безопасности и вызовы развитию

Намеченный на 2014 год вывод из Афганистана основного контингента войск США и Международных сил содействия безопасности (МССБ) станет рубежным для Центральной Азии, которая может столкнуться с возрастанием угроз дестабилизации региона.

Возможные будущие *внешние* риски и угрозы для Центральной Азии после вывода из Афганистана сил международной коалиции [3]:

- возобновление в Афганистане крупномасштабной гражданской войны с эскалацией насилия в северных районах страны и возможностью распространения боевых действий на территорию центральноазиатских государств, в первую очередь Таджикистана;

- возвращение в массовом порядке из Афганистана и Пакистана на родину боевиков – этнических узбеков и таджиков, что может подтолкнуть участников местных религиозно-политических движений (в беспокойных районах Центральной Азии – Ферганской и Ра долинах, Ошской области) к объединению ними, приданию отдельным вооруженным столкновениям характера партизанской войны по модели гражданской междоусобицы первой половины 1990-х годов в Таджикистане;

– усиление наркопроизводства и наркотрафика [35] («урожаи» наркотического сырья в Афганистане за период пребывания там натовских войск выросли в 40 раз, и более 50% афганского героина «канализируется» в направлении республик Центральной Азии, через которые он затем поступает в Россию и далее в европейские страны [28]);

– рост трансграничной преступности, терроризма.

Способны усугубить и без того непростую ситуацию в сфере безопасности Центральноазиатского региона угрозы воинствующего исламизма, готового поднять голову в случае любой политической дестабилизации и активно использующего социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов. С этим связан и рост влияния наркомафии, поскольку из данного источника частично питается религиозный экстремизм. Неслучайно угроза радикализации ислама обозначена всеми центральноазиатскими лидерами в качестве едва ли не главной.

«Особенно это опасно, – отметил президент Узбекистана И.А. Каримов в своем выступлении по итогам российско-узбекистанских переговоров в Москве 15 апреля 2013 г., – когда речь идет о войне убеждений, о войне идеологий, особенно религиозных, – религиозный фанатизм» [7]. Подобная озабоченность центральноазиатских правящих элит возможностью дестабилизации региона с помощью «исламского оружия» имеет под собой реальные основания, связанные с некоторыми эпизодами не столь отдаленной истории стран Центральной Азии и опытом их взаимодействия с беспокойным южным соседом – Афганистаном.

Речь идет, во-первых, о временном распаде Таджикистана в 1990-е годы в результате гражданской войны, к которой привел – в числе других причин – приход к власти в Душанбе условной исламско-демократической коалиции, представлявшей собой довольно неожиданное и странное для того времени объединение весьма разных политических сил [13; 19; 29; 37]. Во-вторых, это «Баткенские события» [16] – произошедшие в 1999 и 2000 гг. в Баткенской области Киргизской Республики боевые столкновения между вооруженными силами Киргизии и Узбекистана и боевиками Исламского движения Узбекистана (ИДУ), попытавшимися прорваться в Узбекистан через Горный Бадахшан (Таджикистан). В-третьих, это реализованный в Афганистане в 1990-е годы исламско-«моджахедский» проект, одними из следствий которого стали радикализация центральноазиатской уммы и активизация в Центральной Азии исламских радикальных движений, завязавших впоследствии связи с обосновавшимися в Афганистане транснациональными террористическими организациями [33]. Наиболее крупные из них (ячейки «Аль-Каиды» и пр.) в ходе антитеррори-

стической операции, проводимой с 2001 г. войсками США и МССБ, были либо ликвидированы, либо маргинализированы, либо выдавлены за пределы «АфПак» в Африку, на Ближний Восток, в ряд других стран и регионов, что, однако, не сняло с повестки дня опасности активизации религиозно-экстремистских движений в афгано-пакистанской зоне. Не исключено, что эти движения, а также различные внутренние силы начнут после 2014 г. бороться в Афганистане за власть, и тогда ввиду географической близости Центральной Азии и ненадежных, плохо защищенных границ между Таджикистаном и Афганистаном создастся определенная вероятность того, что насилие и волнения перекинутся на территорию центральноазиатских республик.

Такой перспективе «благоприятствует» и выход на передний план мировой политики исламизма как такового. Пример — развернувшиеся на Ближнем Востоке и в Северной Африке бурные процессы, трактуемые самими их участниками как «революция», «восстание», «пробуждение», но ставшие более известными за пределами арабского мира как «арабская весна» [2; 20]. Начавшись под лозунгами социальных и политических перемен, демократизации общественной жизни, смены правящих режимов, эти события привели в конечном итоге к несколько иным результатам: приходу к власти в ряде стран (Египте, Тунисе, Ливии) выдвинутых исламистских организаций и замене светской парадигмы развития на религиозную; широкому проникновению в жизнь обществ исламистских террористических группировок («Аль-Каиды», «Аль-Каиды в Ираке», «Аль-Каиды в Магрибе» (АКМ), «Аль-Каиды на Аравийском полуострове» и пр.); подрыву территориальной целостности и стабильности ряда государств; вспышке гражданских войн (в Ливии, Сирии, Ираке и, возможно, в перспективе — в Ливане и Иордании); обострению застарелых национально-этнических споров и религиозных противоречий (в первую очередь суннитско-шиитских). Обнаружилась и тесная связь действующих на Арабском Востоке исламистских движений и террористических организаций с радикальными элементами, базирующимися как в Европе, так и в регионе Персидского залива, Афганистане, Пакистане, на Кавказе. Неудивительно поэтому, что в светских государствах Центральной Азии настороженно расценивают перспективу возможного импорта в регион не столько порожденных «арабской весной» либеральных настроений, сколько окрашенного в религиозные тона политического насилия, хаотизации общественной жизни, террористических войн.

Тем не менее сценарий «арабской весны» в Центральной Азии в ближайшей перспективе едва ли воплотится в жизнь по причине того, что централизованная власть во всех государствах региона

создала систему жесткого контроля за силовиками, оппозицией, печатными и электронными СМИ. Клановая структура и авторитарные методы правления также ставят здесь заслон на пути сторонников «исламской альтернативы». Кроме того, в Центральной Азии, имеющей пока слабые связи с ближневосточным регионом и его мусульманскими организациями, отсутствуют (за исключением, возможно, Киргизии и Таджикистана) традиции массового общественного протеста, механизмы быстрой мобилизации общества на протестные акции, которые имеются на Арабском Востоке. Страны с высокими доходами от нефтегазового экспорта (Казахстан, Туркменистан) воспользуются возможностями смягчить недовольство населения, принимая социальные программы, повышая пенсии, пособия по безработице и пр. Наконец, в Центральной Азии отсутствует (по крайней мере, в перспективе до 2014 г., когда планируется завершить вывод войск международной коалиции из Афганистана) заинтересованность внешних сил в раскачивании ситуации. США и НАТО, во многом зависящие от центральноазиатских государств и их транзитных и транспортных возможностей, стараются сформировать в регионе важный стратегический коридор — для доставки в Афганистан военных грузов и вывоза их обратно, а также для перекачки нефти и газа в Европу.

Потенциальные внешние угрозы региональной политической стабильности в значительной степени усугубляются в Центральной Азии эндогенными факторами — быстро накапливающейся критической массой *внутренних проблем*, по преимуществу политического и социально-экономического характера. При этом нестабильность проявляется во многих формах: в межэтнической напряженности; противостоянии внутри государств региональных элит и кланов; обнищании населения и углубляющемся разрыве в его доходах, а значит, и в растущих социальных диспропорциях; в высоком уровне безработицы, коррупции, низкой эффективности государственных структур.

Серьезными проблемами, осложняющими безопасное развитие центральноазиатских государств, становятся относительная неустойчивость в них легитимной власти, а также те последствия и процессы, которые могут быть спровоцированы слабостью либо сменой высшего руководства — по естественным причинам (смерть, болезнь) или же в результате политического насилия (государственный переворот, революции и пр.).

Сохраняются в Центральной Азии и межгосударственные противоречия [11].

Это, во-первых, «энергоразмежевание», вызванное соперничеством из-за водных и энергетических ресурсов. Речь идет о напряженности, которая создалась в связи с планами возведения Рогун-

ской ГЭС в Таджикистане и Камбаратинской ГЭС в Киргизии на трансграничных водных артериях Амударьи и Сырдарьи. Данные проекты вызывают особую озабоченность в Узбекистане, что уже привело к росту напряженности между этими тремя центрально-азиатскими государствами, а также к проблемам в российско-узбекских отношениях ввиду того, что российские компании участвуют в строительстве обеих ГЭС. В Кремле, тем не менее, отдают предпочтение идее согласования этих проектов со всеми странами региона, чтобы борьба за мнимый энергетический суверенитет одних государств (Таджикистана и Киргизии) не шла в ущерб интересам других, в первую очередь Узбекистана, являющегося, вне всякого сомнения, важным экономическим и стратегическим партнером России в Центральной Азии.

Во-вторых, это неурегулированные пограничные споры, которые становятся серьезным вызовом безопасности в регионе. Они затрагивают большинство республик, но особенно Узбекистан, Киргизию и Таджикистан, где этническая чересполосица и отсутствие общепризнанных границ усугубляются дефицитом земельных и, что еще более важно в условиях засушливого климата, водных ресурсов, придавая периодически возникающим конфликтам отчетливо выраженную социально-экономическую окраску.

В-третьих, незавершенные в странах Центральной Азии сложные процессы национального строительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориальные претензии к соседям либо притязания того или иного государства (что более всего свойственно Казахстану и Узбекистану) на региональное лидерство.

Таким образом, в целом основные вызовы безопасности в Центральной Азии обусловлены внутренними социально-экономическими и политическими проблемами. Прямой и непосредственной связи развития государств региона (за исключением Таджикистана) с происходящими в Афганистане внутренними процессами (борьбой за власть, межэтническими, межрелигиозными конфликтами и пр.) в ближайшей перспективе не прослеживается. Все этнические группы в Афганистане заинтересованы в укреплении собственных позиций в первую очередь внутри страны, а не вне ее, и местные узбеки и таджики, например, едва ли станут искать поддержку среди родственных им народов в Центральной Азии. Трудно предположить также, что талибы, которые в массе своей являются пуштунскими националистами, будут распространять зону своего влияния на соседние центральноазиатские республики, население которых этнически чуждо талибам и где они не могут рассчитывать на понимание и поддержку. Куда более реальную угрозу безопасности стран региона могут представлять

базирующиеся в «АфПак» ячейки «Аль-Каиды» и других террористических организаций, включая скрывающееся под разными наименованиями ИДУ. После ухода из Афганистана основных контингентов США и МССБ эти группировки способны вновь активизироваться и перенести на Центральную Азию свое деструктивное влияние.

Особенно опасными видятся сочетание потенциальных внешних вызовов из Афганистана с реально нарастающими внутривнутриполитическими рисками, возможное соединение социального и религиозного факторов, когда в условиях нестабильности и войны кланов исламисты, питающиеся от наркотрафика и внешней помощи своих братьев по вере, становятся элементом всеобщего беспорядка [36]. Для противодействия такому варианту развития государствам региона помимо сильной армии и специально обученных сил быстрого реагирования нужны стратегии ответа на внутренние и внешние вызовы и риски – как выработанные на коллективной основе, так и национальные. Неясно пока, как будет соответствовать этой сложной задаче не до конца еще сформировавшаяся в Центральной Азии архитектура обеспечения безопасности, которая включает помимо довольно слабых национальных структур региональные и глобальные компоненты.

2. Двухуровневая структура безопасности в Центральной Азии

На *региональном уровне* безопасность в Центральной Азии обеспечивается такими военно-политическими и военными организациями, как: а) Организация Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда входят все центральноазиатские государства (за исключением Узбекистана и Туркменистана); б) аффилированные с ОДКБ структуры безопасности – Коллективные силы быстрого развертывания Центральноазиатского региона (КСБР) и Коллективные силы оперативного реагирования (КСОР); в) Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) [24]. Функции и задачи всех этих организаций различаются.

ОДКБ в ряду проблем, связанных с коллективным реагированием на чрезвычайные ситуации в зоне своей ответственности, особо выделяет в последнее время Афганистан, обстановка в котором на среднесрочную перспективу характеризуется ею как «нестабильная и слабо прогнозируемая». Учитывая, что в этом государстве «террористическая деятельность со стороны непримиримой вооруженной оппозиции не ослабевает, а в некоторых районах страны даже активизируется» и что «практически нет результатов борьбы с наркопроизводством, очень высок уровень коррупции, национальные вооруженные силы и правоохранительные органы

пока полностью не готовы обеспечивать безопасность страны», Совет коллективной безопасности ОДКБ на своей сессии 19 декабря 2012 г. в Москве утвердил ряд решений по противодействию возрастающим угрозам из Афганистана. Предусмотрены, в частности, меры, направленные «на снижение негативного влияния на ситуацию в государствах – членах ОДКБ со стороны ИРА после вывода в 2014 году основной части контингента Международных сил содействия безопасности» [15].

В ОДКБ намерены также более активно привлекать к выполнению поставленных задач специализированные структуры организации, прежде всего КСБР, созданные 25 мая 2001 г. по решению четырех государств-участников – России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана¹. Будучи важным элементом деятельности ОДКБ, КСБР предназначены для выполнения боевых задач исключительно в Центральной Азии. На образованные 4 февраля 2009 г. КСОР в составе Армении, Беларуси, России, Казахстана, Киргизии и Таджикистана возложены более сложные задачи: эти силы предполагается использовать для отражения военной агрессии, проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, а также для ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. При этом военная составляющая КСОР формируется из соединений и частей постоянной боевой готовности, которые будут способны к мобильной переброске в любую точку зоны ответственности ОДКБ. В то же время войска КСОР, выступающие под флагами СНГ и ОДКБ, подчиняются национальным командованиям своих стран [9].

ШОС, хотя и не является военной организацией или площадкой (наподобие Регионального форума АСЕАН), на которой регулярно обсуждаются проблемы безопасности, включает в число своих приоритетов борьбу с терроризмом, сепаратизмом, экстремизмом, наркотрафиком. Так, по решению Совета глав государств – членов ШОС 15 июня 2011 г. была утверждена «Антинаркотическая стратегия государств – членов ШОС на 2011–2016 годы» [1], а ранее в рамках организации по инициативе китайской стороны был сформирован трехуровневый механизм антинаркотического сотрудничества [4].

Вместе с Россией и КНР в ШОС представлены все центральноазиатские государства (за исключением Туркменистана, имеющего наряду с АСЕАН, ЕврАзЭС, ООН, СНГ и США статус «получаю-

¹ КСБР включают в свой состав российскую военную базу в Таджикистане (бывшая 201-я мотострелковая дивизия), российскую авиационную группировку в городе Канте (Киргизия), а также два батальона от Казахстана и по одному от Таджикистана и Киргизской Республики.

шего приглашения на саммиты ШОС»), страны-наблюдатели (Афганистан, Индия, Иран, Монголия и Пакистан) и партнеры по диалогу (Беларусь, Турция, Шри-Ланка). Такой потенциал ШОС позволяет ей стать мощным механизмом решения сложных вопросов региональной безопасности, включая и те, которые относятся к ситуации в Центральной Азии и зоне «АфПак».

Элементы *глобального уровня* безопасности связаны с членством государств региона в ООН и ОБСЕ, взаимодействием с НАТО и участием в некоторых программах этой организации. Таким образом, в рамках своей многовекторной внешней политики центральноазиатские государства принимают военные гарантии безопасности, предоставляемые им не только Россией и ОДКБ, но и НАТО, притом что последняя часто конкурирует и соперничает в Центральной Азии с ОДКБ и ШОС.

В связи с близящимся завершением афганской кампании для США и НАТО открылись новые возможности расширить военное сотрудничество со странами региона, которое включает предоставление авиации воюющих в Афганистане коалиционных сил права пролета над территорией центральноазиатских государств, передачу некоторыми из них в аренду своих военных объектов. В их числе: функционирующая с 2001 г. в аэропорту «Манас» (Киргизия) американская военная авиабаза, переименованная в 2009 г. в Центр транзитных перевозок (ЦТП); развернутые в Душанбе (Таджикистан) подразделения французских войск; военный аэродром в городе Термез (Узбекистан), используемый Германией; аэропорт в Чимкенте, предоставленный 16 января 2013 г. Франции Казахстаном для вывода войск и имущества из Афганистана.

Национальные стратегии безопасности центральноазиатских государств неодинаковы. Таджикистан, Киргизия и Казахстан наряду с элементами военно-политического сотрудничества с США/НАТО в основном связывают свою политику в этой сфере с участием в ОДКБ и укреплением союзнических связей с Россией. Узбекистан, приостановивший летом 2012 г. свое членство в ОДКБ, не отказывается от расширения военного сотрудничества с США/НАТО; Туркменистан сохраняет нейтралитет как во внутренних делах региона, так и в сфере безопасности, не участвуя ни в региональных, ни в глобальных структурах, ответственных за ее обеспечение.

Представляется, что именно от существующих в Центральной Азии региональных структур безопасности потребуются значительные усилия – военно-политические, дипломатические, экономические, чтобы не допустить после 2014 г. дестабилизации обстановки в регионе. Ни Китай, ни внерегиональные политические силы (США, НАТО, Евросоюз) не будут брать на себя ответствен-

ность за поддержание там приемлемого уровня безопасности. Для Соединенных Штатов, например, с завершением войны в Афганистане (или, по крайней мере, их собственного участия в ней) географически удаленная Центральная Азия, скорее всего, утратит существенную часть своего военного значения, хотя, возможно, и сохранится опосредованное соперничество с Россией за ресурсы и влияние в регионе. Определенно США не будут заинтересованы и в возвращении России в том или ином виде в Афганистан и уж тем более — в укреплении российского военного и экономического присутствия в Центральной Азии. Таким образом, возникающие в регионе в связи с афганской ситуацией новые реалии и возможности будут определяться в первую очередь позицией самой России.

3. Интересы России в Центральной Азии

Для Российской Федерации Центральная Азия сохраняет приоритетное значение, и географический фактор играет при этом далеко не последнюю роль: большая часть территории нашей страны находится на азиатском материке и только 20% — в европейской части. Центральная Азия представляет для России немалую ценность и с точки зрения геополитики, и с точки зрения экономики, поскольку регион превращается в важный коммуникационный мост в Южную Азию и при этом остается значимым источником топливно-энергетических ресурсов. В целом геополитический потенциал Центральной Азии может быть использован Россией и для решения практических и статусных задач как мировой и региональной державы [27].

Национальным интересам России отвечает смягчение к 2014 г. ситуации в Афганистане, поскольку это позволит исключить возможность повторения сценария 1990-х годов, когда из афгано-пакистанского источника получали подпитку сепаратисты и террористы в религиозном обличье, действовавшие на Северном Кавказе [8]. В этой связи гипотетическая «исламская альтернатива» для государств Центральной Азии представляется для России совершенно нежелательной. Для интересов нашей страны важно также, чтобы кабульский режим, который будет действовать после вывода большей части иностранных войск, не был ни радикально исламистским, ни марионеточно-проамериканским и чтобы Афганистан приобрел статус независимого, нейтрального государства, а его территория была бы свободна от иностранного военного присутствия. Наконец, Россия заинтересована в перекрытии наркоточков, идущих через Центральную Азию из Афганистана. Следует при этом признать необоснованность надежд на сотруд-

ничество с НАТО в борьбе с афганским наркотрафиком. США и Североатлантический альянс ясно обозначили свою позицию по этому вопросу: борьба с наркопроизводством и наркотрафиком — задача для них не первоочередная и не основная, тем более что в настоящее время главные их усилия сосредоточены на организации максимально безболезненного вывода войск международной коалиции из Афганистана [6].

В свете сказанного, а также ввиду возможности ухудшения ситуации в регионе перед Россией и патронируемыми ею военно-политическими структурами стоит сложная задача — активизировать усилия по обеспечению собственной безопасности. Важной в этой связи представляется достигнутая осенью 2012 г. договоренность с Киргизией о том, что российские военные останутся в республике как минимум еще на 20 лет, а военная база в Канте будет принимать самолеты российской дальней авиации. Такое же долгосрочное соглашение об условиях российского военного присутствия было заключено во время официального визита 5–6 октября 2012 г. президента РФ В.В. Путина в Таджикистан, где расположена самая крупная за рубежом российская военная база, на которой размещены около 7 тыс. военнослужащих. Согласно подписанным документам («Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан» [21] и др.), до сей поры, правда, так и не ратифицированным парламентом Таджикистана, российская военная база останется в республике до 2024 г. с возможностью продления ее пребывания на последующие 5-летние периоды. Кроме того, военнослужащие базы и члены их семей приравниваются по своему статусу к административному персоналу посольства — подобным статусом пользуются служащие ЦТП «Манас» в Киргизии.

Несомненно, в будущем значимую роль в деле афганской стабилизации могут сыграть ШОС и ее специализированные структуры. Для этого России уже сегодня необходимо развивать ШОС до уровня эффективно действующей международной организации, выстраивая ее в многостороннем формате в качестве механизма успешного регионального взаимодействия.

Что касается ОДКБ, то с учетом афганского фактора первостепенными ее задачами видятся усиление профилактической работы на ее южных рубежах; совершенствование пограничного контроля на соприкасающихся с Афганистаном участках центральноазиатских границ в целях создания заслона на пути трансграничной организованной преступности и незаконной миграции; усиление координации деятельности спецслужб центральноазиатских государств и России; отработка взаимодействия с ШОС по предот-

вращению политических угроз и рисков в Центральной Азии. Таким образом, совместные действия России и центральноазиатских государств – участников ОДКБ могут быть направлены на создание новой реальности, которая позволит минимизировать многие риски и угрозы, в том числе те, которые исходят из Афганистана. Речь при этом идет не о выстраивании «союзов против», а о том, чтобы работать по-соседски и вместе против реальных угроз. Это означает, что для России ОДКБ – не столько важный инструмент в региональной политике в Центральной Азии, сколько организация, нацеленная в первую очередь на совместную борьбу с угрозами, исходящими от религиозного экстремизма, терроризма, наркотрафика.

Россия может предложить центральноазиатским странам стратегию ответа на внутренние и внешние вызовы и риски, притом что она сама кровно заинтересована в ликвидации в Центральной Азии потенциальной нестабильности, включая и исламистскую угрозу. Разумной альтернативой может стать иницилируемая Россией углубленная экономическая интеграция, которая будет способствовать, в числе прочего, сохранению светского характера политических систем государств региона.

4. Развитие центральноазиатских государств в переходный период (до 2014 г.)

Согласно докладу Международного валютного фонда [17], в регионе в 2013 г. просматриваются позитивные перспективы экономического роста. В целом в Центральной Азии удавалось до недавнего времени избегать крупных политических катаклизмов, несмотря на сохранение в каждом из государств достаточно сложных проблем, замедляющих развитие.

Наиболее уязвимым с точки зрения безопасности остается *Таджикистан*, имеющий с Афганистаном самую протяженную и во многом незащищенную границу, частично проходящую по сложному горному рельефу. После 2014 г. возможным станет приток в эту республику беженцев из числа живущих в Афганистане этнических узбеков и таджиков, которых может погнать за пределы страны гражданская война. Таджикистан, кроме того, более других рискует подвергнуться нападениям радикальных религиозных организаций, таких как ИДУ и «Аль-Каида».

Для предотвращения негативного сценария развития событий, обусловленных таким беспокойным соседством, власти Таджикистана попытались в последние годы укрепить свои военно-политические позиции за счет внерегиональных сил. В частности, помощи в защите своей внешней границы с Афганистаном они

искали у Евросоюза в рамках его «Программы содействия управлению границами в Центральной Азии» — БОМКА (Border Management Programme in Central Asia — БОМСА) [30]. Однако в силу того, что основное внимание европейских стран сосредоточено с 2011 г. на борьбе с экономическим и финансовым кризисом, последствия которого для самого ЕС и будущего еврозоны еще далеко не ясны, широкомасштабной поддержки Таджикистан так и не получил. Тщетными оказались его надежды на то, что международные финансовые институты (Всемирный банк, МВФ) помогут республике справиться с кризисными явлениями в экономике и социальной сфере. Некоторую помощь в укреплении обороноспособности Таджикистана оказали республике США и НАТО: ими был создан Национальный центр боевой подготовки, проложены новые системы связи, построены мосты через реку Пяндж. Не отказываясь от помощи Запада, Душанбе развивал и военное сотрудничество с Россией.

Экономика *Киргизии* остается самой открытой в регионе, и эта республика (наряду с Таджикистаном) является одним из крупнейших в мире реципиентов денежных переводов из-за границы (29% ВВП; в Таджикистане — 47%). Формируются эти переводы в основном от поступлений из России [23], отсюда же поступает и значительный массив внешней экономической помощи. Благодаря этому политическая обстановка в Киргизии постепенно стабилизируется. Играет роль и такой фактор, как усталость населения от «революций», которые сотрясали страну на протяжении последних лет и привели к спаду производства, инфляции, массовой миграции занятого поисками работы населения и пр., а в политическом плане — к деформации институтов государства, падению их престижа.

В Киргизии с ее перманентной внутривнутриполитической нестабильностью и нерешенными проблемами на юге страны любые потрясения извне, откуда бы они ни исходили, способны стать детонатором нового политического или межэтнического конфликта. Возможную активизацию в регионе экстремистских и террористических движений в республике также рассматривают как серьезный вызов безопасности. Этим обусловлена заинтересованность руководства страны в помощи извне для отражения потенциальных угроз и вызовов. Именно поэтому в рамках традиционной для всех центральноазиатских государств многовекторной политики Киргизия поддерживает достаточно высокий уровень сотрудничества как с США/НАТО, так и с Россией/ОДКБ.

Соединенные Штаты, в свою очередь, хотя и намереваются свернуть к весне 2013 г. большую часть военных операций в Афганистане, не отказываются от идеи сохранить за собой ЦТП в Манасе и после 2014 г. О продлении истекающего срока аренды ЦТП

шла, в частности, речь на переговорах, которые провел в Бишкеке 17 января 2013 г. в ходе своего регионального турне помощник госсекретаря США по странам Южной и Центральной Азии Р. Блейк. Однако даже если киргизское правительство и допустит американцев к участию в управлении ЦТП, в планах Бишкека — превращение этого объекта в гражданский аэропорт, а не в военно-воздушную базу какой-либо страны. Наметившийся у руководства Киргизии с осени 2012 г. сдвиг в сторону углубленного сотрудничества в военно-политической сфере с Россией позволяет предположить и альтернативный вариант развития событий — создание на базе «Манас» совместного российско-киргизского логистического центра. В Бишкеке надеются, что столичный аэропорт сможет стать крупным узлом, который значительно сократит время перевозки грузов между развитыми рынками Западной Европы и Юго-Восточной Азии [12].

Решение Киргизии преобразовать американский ЦТП в гражданский хаб может свидетельствовать также и о переориентации страны на российские проекты в сфере безопасности. Подтверждение этого — итоги прошедших в Бишкеке 20 сентября 2012 г. российско-киргизских переговоров на высшем уровне, когда были подписаны документы, закрепляющие российское военное присутствие в республике. Речь, в частности, идет о «Соглашении между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики», которое заключено на 15 лет и вступает в силу 29 января 2017 г. с возможностью его автоматического продления на последующие 5-летние периоды. 7 мая 2013 г. президент России подписал Федеральный закон «О ратификации Соглашения», который вступил в силу 19 мая 2013 г. [14].

Объединенная российская военная база будет включать четыре военных объекта: базу подводных испытаний оружия в Караколе, центр военной связи в Кара-Балте, радиосейсмическую лабораторию в Майлуу-Суу и авиабазу в Канте. Списание многомиллионного долга республики, выделение не менее крупной суммы денег на поддержание ее бюджета, приход российских компаний в энергетическую отрасль страны в качестве крупнейшего инвестора также свидетельствуют о том, что Россия активизировала свою внешнеполитическую работу в Киргизии.

В политическом развитии такого крупного центральноазиатского государства, как *Узбекистан*, давно уже просматривается тенденция к изоляционизму и опоре в основном на собственные ресурсы в сфере обеспечения безопасности. В последние годы, однако, этот курс сочетается с некоторым расширением военного сотрудничества с США и рядом стран НАТО. Большое значе-

ние сыграл при этом тот факт, что Узбекистану была отведена главная роль в «Северной распределительной сети», задействованной для транзита американо-натовских грузов из Афганистана. Предваряя это решение, Конгресс США снял 22 сентября 2011 г. введенные в 2004 г. против Узбекистана (за жестокое подавление правительственными силами восстания в Андижане) ограничения на предоставление ему военной помощи. Соединенные Штаты рассматривают территорию республики и как наиболее привлекательную площадку для создания крупных транспортных узлов, имеющих региональное значение, военных объектов (баз), которые могут функционировать и не на постоянной основе. Неслучайным в этой связи видится решение Узбекистана в конце июня 2012 г. приостановить свое членство в ОДКБ. Это обусловлено несколькими дополнительными причинами: введением в организации новых правил, запрещающих ее участникам размещать у себя иностранные военные базы без согласия других членов [18]; надеждой получить от США в обмен на такой шаг гарантии безопасности после вывода войск коалиции из Афганистана, а также тем, что именно Узбекистану обещана большая часть вывозимой техники и вооружения. Военную составляющую ОДКБ этот демарш Узбекистана вряд ли серьезно ослабит, поскольку республика практически не участвовала в военном сотрудничестве в рамках организации, и в 2009 г. президент Ислам Каримов даже отказался подписывать соглашение о Коллективных силах оперативного реагирования ОДКБ. Однако борьбу с наркотрафиком такое решение страны, граничащей не только с Афганистаном, но и с четырьмя центральноазиатскими республиками, может осложнить.

Принятием 30 августа 2012 г. парламентом Узбекистана закона, запрещающего размещение на территории республики иностранных военных баз и объектов [5], вопрос об иностранном военном присутствии был снят с повестки дня, что говорит о попытках Ташкента проводить сбалансированную политику, заключающуюся в максимальном отдалении от конкурирующих в Центральной Азии глобальных и региональных игроков. Можно предположить также, что изменение формата присутствия американо-натовских войск в Афганистане после 2014 г., скорее всего, не скажется на внутривнутриполитической обстановке в Узбекистане, где в том же году пройдут президентские выборы. Есть также признаки того, что элитам республики удастся достичь консенсуса в вопросе преемственности власти и избежать в будущем серьезных политических потрясений. Однако до 2014 г. руководство Узбекистана будет активно развивать военно-политическое сотрудничество с США, хотя бы для того, чтобы купировать силовым путем внутренние

угрозы и заблокировать возможные усилия по дестабилизации внутривнутриполитической ситуации извне.

Ситуация осложняется тем, что в Узбекистане, как и в соседних центральноазиатских государствах, отсутствуют четко установленные и устоявшиеся правила преемственности власти, а потому есть опасность, что неопределенностью положения в переходном периоде могут воспользоваться радикальные исламистские круги. Ведя антиправительственную агитацию среди социально активной части населения, в первую очередь молодежи, они попытаются направить существующий протестный потенциал на подрыв светских устоев государства [34]. Осознавая это и воспринимая проблему радикализации ислама как одну из серьезнейших угроз безопасности республики, правящая элита Узбекистана стремится заручиться также поддержкой России. Как предполагает узбекский политолог Камолиддин Раббимов, «Каримову необходимо снизить сопротивление со стороны России, чтобы продолжать осуществлять свою политику в стране и регионе. Для этого ему будет необходимо успокоить Путина и заверить его в том, что Ташкент не поступит вопреки интересам своего геостратегического партнера по постсоветскому пространству» [25].

Президент *Туркменистана* Г. Бердымухамедов, переизбранный на состоявшихся 12 февраля 2012 г. выборах на новый срок, продолжает строить внешнюю политику республики на принципах позитивного нейтралитета. Она получает поддержку со стороны ООН, ее крупнейших структур и ведущих глобальных игроков – не в последнюю очередь из-за их заинтересованности в богатейшем газовом потенциале страны и инициированных ею важных проектов в энергетической и транспортной сферах. Таков, в частности, проект газопровода ТАПИ (Туркменистан – Афганистан – Пакистан – Индия), находящийся на стадии практического планирования и способный в случае его реализации изменить всю геополитическую картину Южной и Центральной Азии [10].

Сохраняя нейтралитет в региональных отношениях, Туркменистан рассчитывает избежать негативного влияния ситуации в Афганистане на свое внутривнутриполитическое положение. Ссылаясь на свой нейтральный статус, Туркменистан единственным из стран региона не подписал с НАТО и США договоров о транзите из Афганистана, и эта закрытая республика, как и в течение двух последних десятилетий, когда она принимала незначительное по сравнению со своими соседями участие во внутриафганских распрях, надеется сохранить прежний уровень отношений с правящим режимом Афганистана вне зависимости от того, какие силы придут там к власти после 2014 г. Афганистан еще долго будет зависеть от туркменского топлива (которое в настоящее время по-

ставляется в виде бензина и сжиженного газа в несколько провинций ИРА) и электроэнергии. В Ашхабаде поэтому полагают, что усилия по строительству газопровода для транспортировки туркменского газа и среднеазиатских энергетических ресурсов в Пакистан через территорию Афганистана будут способствовать стабильным отношениям с Кабулом. Туркменистан остается также одним из важнейших маршрутов транзита афганских торговых грузов в Европу.

Для *Казахстана* в силу его географической отдаленности от Афганистана уровень угроз и рисков, сопряженных с возможностью начала там гражданской войны, заметно ниже, чем для любой другой страны Центральной Азии. Тем не менее обострение ситуации в Афганистане и непредсказуемость его политического будущего после вывода основной части военнослужащих США и МССБ и передачи ответственности за поддержание безопасности в стране афганским национальным силам могут негативно сказаться и на Казахстане, юг которого тесно взаимосвязан с остальной Центральной Азией. При неблагоприятном сценарии дестабилизация в приграничных с Афганистаном государствах региона может выйти за их пределы и прямо или косвенно затронуть интересы Казахстана. В случае прямой военной угрозы со стороны ИРА, вероятность которой, впрочем, незначительна, можно предположить ту или иную форму участия России в защите своего союзника.

Некоторые тревожные звонки уже прозвенели, и Казахстан, который считался островком стабильности в Центральной Азии, испытывает в последние годы проблемы с обеспечением внутренней безопасности. 17 мая 2011 г. впервые в новейшей истории этой республики произошел теракт в городе Актобе. Затем теракты последовали в таких крупных городах и областных центрах, как Актобе, Атырау, Астана, Алматы, Тараз [26]. С 1 января по 21 сентября 2012 г. в Казахстане было проведено 5 антитеррористических операций по обезвреживанию предполагаемых террористов, большинство из которых были убиты. Ответственность за террористические акты взяла на себя неизвестная ранее исламистская группировка «Солдаты Халифата» («Jund al Khalifah»), имевшая связи с «Аль-Каидой». Источники в Афганистане и Пакистане сообщали, что в последние годы оттуда активно направляют боевиков (как правило, этнических казахов) в Казахстан для вербовки новых членов и давления на власть [32]. Обращает на себя внимание тот факт, что теракты в стране совпали с активизацией политической борьбы за кресло президента Н. Назарбаева. Участились и ужесточились нападения исламистов и после того, как Казахстан пошел на радикальное сближение с Россией, вступил в Таможенный союз (ТС), стал строить с Москвой Единое экономическое пространство (ЕЭП).

Руководство Казахстана не исключает возможности использования территории республики для незаконного транзита оружия и наркотиков, в том числе при помощи организаций, считающихся исламистскими. При этом в южных районах страны, где имеется большая узбекская диаспора, увеличивающаяся за счет нелегальных трудовых иммигрантов из Узбекистана, происходит быстрая радикализация ислама. Замечена там спецслужбами и деятельность запрещенной исламистской организации «Хизб-ут Тахрир», зафиксировано появление листовок с антиправительственными призывами и происламистским содержанием [22]. Другими словами, многое говорит о том, что Казахстану не удастся остаться в стороне от процессов исламизации, проявляющихся в том числе в форме религиозного экстремизма, и опасность состоит в возможности использования исламистами социального недовольства.

Казахстан до 2012 г. занимал приоритетное место в центрально-азиатской стратегии Соединенных Штатов. Однако с вступлением в силу Таможенного союза и Евразийского экономического пространства, участниками которых вместе с Казахстаном являются Россия и Беларусь, это государство будет интересовать США/НАТО в переходный период (до 2014 г.) в основном только как экспортер энергосырья. Это не исключает в дальнейшем попыток оказать давление на руководство Казахстана, в том числе через прозападно настроенную элиту, в целях переориентации республики с постсоветских интеграционных проектов в направлении программ, финансируемых и лоббируемых Западом.

В случае выхода Узбекистана из ОДКБ граница Казахстана станет ее южным рубежом, а экономическая интеграция в рамках ТС и ЕЭП может быть усилена за счет военно-политической составляющей. Теоретически экономическая и политическая интеграция на основе создания Россией и Казахстаном общего экономического пространства может получить качественно новый импульс в случае возникновения серьезных угроз безопасности, требующих мобилизации и высокой координации усилий в борьбе с ними. При таком развитии событий верх возьмет сценарий углубления экономической интеграции при сохранении и России, и Казахстана в качестве суверенных государств с независимой внутренней и внешней политикой.

* * *

В связи с тем, что именно на Россию и Казахстан ложится главная ответственность за поддержание стабильности в Центрально-азиатском регионе, необходим незамедлительный и углубленный двусторонний диалог. Его целью должны стать обсуждение путей противодействия деструктивным глобальным и региональным тен-

денциям, активизация действующих структур безопасности, превращение их в реально работающие механизмы.

Очевидно, что стратегию ответа на внешние вызовы и риски центральноазиатским государствам трудно будет выработать без внешней помощи. Таковую помощь может предоставить Россия, которая осознаёт степень своей ответственности и пытается играть в Центральной Азии на опережение, используя различные инструменты – структуры ОДКБ и экономические интеграционные проекты (Таможенный союз, Единое экономическое пространство, Евразийский союз).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антинаркотическая стратегия государств – членов Шанхайской организации сотрудничества на 2011–2016 гг. Утверждена Решением Совета глав государств – членов Шанхайской организации сотрудничества № 1 от 15 июня 2011 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков [Официальный сайт]. URL: <http://www.ufo.fskn.gov.ru/?articleID=776> (дата обращения: 30.04.2013).

2. Ближний Восток, арабское пробуждение и Россия: что дальше? Сборник статей / Под ред. В. Наумкина, В. Попова, В. Кузнецова. М.: ИВ РАН, 2012.

3. Вызовы безопасности в Центральной Азии. М.: ИМЭМО РАН, 2013.

4. Выступление заместителя директора Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков М.Ю. Кийко на Шестом Совещании руководства Федеральной службы Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков и Министерства общественной безопасности Китайской Народной Республики по вопросам развития сотрудничества в антинаркотической сфере в Пекине [Электронный ресурс] // Федеральная служба Российской Федерации по контролю за оборотом наркотиков [Официальный сайт]. 23.11.2010 г. URL: http://fskn.gov.ru/includes/periodics/speeches_kiiko_/2010/1123/033412046/detail.shtml (дата обращения: 30.04.2013).

5. Депутаты утвердили концепцию внешнеполитической деятельности страны [Электронный ресурс] // Национальное информационное агентство Узбекистана – УзА [Официальный сайт]. 04.08.2012 г. URL: <http://uza.uz/ru/politics/20205/> (дата обращения: 29.04.2013).

6. Директор Информационного бюро НАТО в Москве: Мы не отвечаем за проблему наркотиков в Афганистане [Электронный ресурс] // ИА REGNUM [Официальный сайт]. 04.02.2013 г. URL: <http://www.regnum.ru/news/1620803.html> (дата обращения: 05.02.2013).

7. Заявления для прессы по итогам российско-узбекистанских переговоров [Электронный ресурс] // Президент России [Официальный сайт]. 15.04.2013 г. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/17901> (дата обращения: 16.04.2013).

8. Интересы России в Центральной Азии: содержание, перспективы, ограничители. М.: Российский совет по международным делам, 2013. № 10.

9. Коллективные силы оперативного реагирования Организации Договора о коллективной безопасности. М.: КСОР ОДКБ, 2010.
10. *Мальшева Д.Б.* Афганский эндшпиль и региональная безопасность // *Мировая экономика и международные отношения*. 2012. № 11. С. 16–23.
11. *Мальшева Д.Б.* Центральноеазиатский узел мировой политики. М.: ИМЭМО РАН, 2010.
12. На базе аэропорта Манас будет создан крупный гражданский авиа-узел, заявил Атамбаев [Электронный ресурс] // ИТАР ТАСС [Официальный сайт]. 12.04.2013 г. URL: <http://www.itar-tass.com/c13/704969.html> (дата обращения: 12.04.2013).
13. *Наумкин В.В.* Центральная Азия в мировой политике. М.: МАКС Пресс, 2005.
14. О ратификации Соглашения между Российской Федерацией и Киргизской Республикой о статусе и условиях пребывания объединенной российской военной базы на территории Киргизской Республики. Документ 977-16-05-2013 [Электронный ресурс] // МИД РФ [Официальный сайт]. 16.05.2013 г. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/newsline/DE22F414D-34F30DC44257B6D0047D61E (дата обращения: 30.05.2013).
15. Об итогах сессии Совета коллективной безопасности ОДКБ [Электронный ресурс] // ОДКБ [Официальный сайт]. 19.12.2012 г. URL: http://odkb-csto.org/news/detail.php?ELEMENT_ID=1536 (дата обращения: 19.04.2013).
16. *Омуралиев Н., Элебаева А.* Баткенские события в Кыргызстане: хроника событий // *Центральная Азия и Кавказ*. 2000. № 1 (7). С. 24–54.
17. Перспективы развития региональной экономики в странах Ближнего Востока и Центральной Азии [Электронный ресурс] // Международный валютный фонд [Официальный сайт]. 11.11.2012 г. URL: http://www.imf.org/external/russian/pubs/ft/reo/mcd/2012/csa1112_hir.pdf (дата обращения: 01.12.2012).
18. Протокол о размещении объектов военной инфраструктуры на территориях государств – членов Организации Договора о коллективной безопасности [Электронный ресурс] // ОДКБ [Официальный сайт]. 20.12.2011 г. URL: http://www.odkb-csto.org/documents/detail.php?ELEMENT_ID=1682 (дата обращения: 30.05.2013).
19. *Рахматуллаев Э.* Миротворчество ООН в Таджикистане. М.: Центр стратегических и политических исследований, 2001.
20. *Россия и Большой Ближний Восток*. М.: Российский совет по международным делам, 2013. № 9.
21. Соглашение между Российской Федерацией и Республикой Таджикистан о статусе и условиях пребывания российской военной базы на территории Республики Таджикистан [Электронный ресурс] // Правовой Департамент МИД РФ [Официальный сайт]. 05.10.2012 г. URL: http://www.mid.ru/bdomp/spd_md.nsf/0/34698AFDE295BC9A44257B78002FC787 (дата обращения: 05.02.2013).
22. Список зарубежных организаций, запрещенных по решению суда на территории Республики Казахстан [Электронный ресурс] // Агентство Республики Казахстан по делам религий [Официальный сайт]. URL: http://www.din.gov.kz/rus/press-sluzhba/spisok_terroristicheskix_i_jek/ (дата обращения: 30.05.2013).
23. Таджикистан и Кыргызстан входят в тройку стран-лидеров по поступлениям денежных переводов мигрантов [Электронный ресурс] //

Центральноазиатская новостная служба [Официальный сайт]. 18.12.2012 г. URL: <http://www.ca-news.org/news:1052206> (дата обращения: 18.12.2012).

24. Формирование действенных структур безопасности и сотрудничества в Центральной Азии: Сборник статей / Отв. ред. Г.И. Чуфрин. М.: ИМЭМО РАН, 2004.

25. Холзода Н. Нелегкая миссия Каримова в Москву [Электронный ресурс] // Радио Озоли [Официальный сайт]. 17.04.2013 г. URL: <http://rus.ozodi.org/content/expert-karimov-visits-moscow/24956011.html> (дата обращения: 30.04.2013).

26. Хроника терактов в Казахстане [Электронный ресурс] // Радио Азаттык (Кыргызская служба Радио «Свободная Европа» / «Радио Свобода») [Официальный сайт]. 23.10.2012 г. URL: <http://rus.azattyk.org/content/terrorism-map-in-kazakhstan/24747747.html> (дата обращения 23.10.2012).

27. Чуфрин Г.И. Россия и Центральная Азия. Алматы: Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан, 2010.

28. Afghanistan Opium Risk Assessment 2013 [Electronic resource] // United Nations Office on Drugs and Crime, Islamic Republic of Afghanistan Ministry of Counter Narcotics [Official website]. April 2013. URL: http://www.unodc.org/documents/crop-onitoring/Afghanistan/ORAS_report_2013_phase12.pdf. (accessed: 30.04.2013).

29. Akiner Sh. Tajikistan: Disintegration or Reconciliation? L.: The Royal Institute of International Affairs, Spring 2001.

30. Border Management Programme in Central Asia (BOMCA) [Electronic resource] // European Commission [Official website]. August 31, 2012. URL: http://ec.europa.eu/europeaid/where/asia/regional-cooperation-central-asia/border-management-fight-against-drugs/bomca_en.htm (accessed: 30.05.2013).

31. Central Asia. A Gathering Storm? / Ed. by B. Rumer. Armonk; N.Y.; L.: M.E. Sharpe, 2002.

32. Chausovsky E. Militancy in Central Asia: More Than Religious Extremism [Electronic resource] // Stratfor, Global Intelligence [Official website]. August 9, 2012. URL: http://www.stratfor.com/weekly/militancy-central-asia-more-religious-extremism?utm_source=freelist-f&utm_medium=email&utm_campaign=20120809&utm_term=sweekly&utm_content=title&elq=2c9876f5d16249aa965a65fe439e5d57 (accessed: 09.08.2012).

33. Naumkin V. Radical Islam in Central Asia: between Pen and Rifle. Boulder: Rowman and Littlefield, 2005.

34. Olcott M.B. In the Whirlwind of Jihad. Washington: Carnegie Endowment for International Peace, 2012.

35. The Opium Economy in Afghanistan: An International Problem. New York, 2003 [Electronic resource] // United Nations Office on Drugs and Crime [Official website]. URL: www.unodc.org/pdf/publications/afg_opium_economy_2003.pdf (accessed: 20.04.2010).

36. Rashid A. Descent into Chaos. The U.S. and the Disaster in Pakistan, Afghanistan and Central Asia. N.Y.: The Penguin Group, 2009.

37. Rashid A. Jihad: the Rise of Militant Islam in Central Asia. L.: Yale University Press, 2002.